

вило Писарева приглашать къ дѣлу, — несостоятельность котораго ему самому была ясна, — къ дѣлу, которое есть только *филантропія*, — потому что уменьшеніе страданій и увеличеніе наслажденій есть, конечно, только *филантропія*.

Необходимо замѣтить, что, называя Базарова реалистомъ и приписывая ему то, что свойственно, по мнѣнію Писарева, реалисту, Писаревъ представляетъ Базарова совсѣмъ другимъ, чѣмъ изобразилъ его Тургеневъ. Базарову, какъ изобразилъ его Тургеневъ, не свойственно руководиться ни идеєю общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, ни какою либо другою идеєю, — имъ управляютъ только ощущенія, — и отрицательнаго направленія онъ придерживается въ силу ощущенія, и даже честность, по его словамъ, есть ощущеніе. — „Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и basta! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнуть“. *Ощущеніе своего ничтожества* приводитъ Базарова не къ любви, — идея которой проводится будто бы въ жизнь реалистомъ просто и дѣйствительно, — а къ ненависти. На слова Аркадія, что онъ никого не ненавидитъ, Базаровъ говоритъ — „а я такъ многихъ.. Ненавидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, — она такая славная, бѣлая, — вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же поимѣненіе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; — ну, а дальше?“ — Базаровъ реалистъ, конечно, но не такой, какимъ изображаетъ реалиста Писаревъ, и Базаровъ не сталъ бы разсуждать такъ, какъ, по словамъ Писарева, разсуждаетъ реалистъ и въ особенности молодой реалистъ, „доживши до тѣхъ лѣтъ, когда придется выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій“. Да и, вообще, живой человѣкъ, а не выдуманный, едва ли можетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ реалистъ, по изображенію Писарева. Видѣтъ осуществленіе идеи общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, въ уменьшеніи человѣческихъ страданій и въ увеличеніи человѣческихъ удовольствій, призывать къ самоотверженному труду для достиженія этой цѣли, — дѣло, очевидно, отчаянное, и всегда найдутся Базаровы, которые скажутъ — „ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ. — ну, а дальше?“... Всегда найдутся Базаровы, которые, не признавая въ силу ощущенія какой либо солидарности, скажутъ: „узенское мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ, и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна предъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ.... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже.... Что за безобразіе! что за пустяки...“

Но точно-ли наша жизнь пустяки и только безобразіе? Точно-ли остальному пространству, въ которомъ мы непосредственно не находимся, до насъ никакого дѣла нѣтъ, и наше существованіе должно ограничиться ничтожною